

СУММА ПРОТИВ ОТЛИЧНИКОВ

Ирина Дмитриевна Дюгаева родилась в Оренбурге. Учится на факультете иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета. Свой писательский путь начала сравнительно недавно: её первая повесть «Кумир» вышла в 2019 году. Став стипендиатом Министерства культуры России, в июле 2020 года при содействии Союза российских писателей выпустила повесть «Мистическая сопричастность».

«Почему Бога нет?» — на такую тему мне задали написать сочинение в новой школе, куда я перешёл из-за переезда: моих родичей и меня переселили из центра города в пригород по переселенческой программе. Будь моя воля, я бы и шагу не ступил в эту «школу»: одно название, а на деле — допотопное заведение, мало отвечающее требованиям современности. Одно это сочинение говорило само за себя. Пока в нормальных школах на уроках конфессионального единства объясняли, почему Бога нет, здесь заставляли выдумывать свои силлогизмы, ставя в пример каких-то Блаженных и Аквинатов. 2099 год на дворе, а тут всё богов изучают...

Весь вечер я убил, пытаюсь выжать из себя хоть одну умную или интересную мысль, но всё во мне противилось этому. Я чувствовал себя настоящим мучеником, подвешенным за извилины мозга к столбам науки. Обессилев и даже

несколько вспотев, я оборвал попытку, выключив компьютерный сенсор. Вместо этого начал выдумывать всякие оправдания, почему не прислал сочинение учителю.

«Языковая раскладка сбилась, и я случайно написал сочинение не на двоичном коде, а на азбуке Морзе; компьютерная система словила вирус, и у меня не было возможности заняться домашкой...»

Нет, думал я, надо измыслить что-нибудь более правдоподобное... У бабушки упало давление, и мне пришлось сидеть около её постели целый вечер. «Но ведь домашний выравнитель давления быстро справляется с такой задачей», — нашёл я противоречие, проигрывая возражение учителя в голове.

Ну его, это сочинение и всякие выдумки! Скажу правду: не получилось, ничего в голову не идёт. Здесь же школа другая, «дотошно лояльная», как сказал папа. Может, меня поймут, не станут уведомлять родителей?

Следующим утром я неохотно поплёлся в школу. Слабое сентябрьское солнце едва пробивалось сквозь седые облака, и район приобрёл угрюмый вид. Район представлял собой равнину из невысоких частных домиков, опоясанных железной дорогой. За железной дорогой бежала река, а над ней висел мост, ведущий к центру города, такому недосягаемому, золотящемуся в лучах солнца своими небоскрёбами с поляризованными окнами.

Первый урок тёк скучно, я сидел за партой, как глухой, едва различая, о чём говорят. Всё ещё подбирал самые верные слова, которые могли бы спасти меня от неминуемой кары за невыполненное домашнее задание.

Но на уроке астрономии случилось нечто заоблачно фантастическое. Я не сразу понял, что меня толкнул в плечо сосед по парте Реле.

— Смотри, смотри! — требовал он, указывая в окно. — Это ж не бред? Я не один это вижу?

За окнами пылал пожар. Частные дома напротив школы пламенили, и их едва можно было различить из-за огня, объявшего весь горизонт.

— Спокойно, не следует разводить панику, — деловито обратился к нам учитель, даже не глядя в окна. — Мы все останемся на местах, согласно уставу. В случае опасности нас оповестит тревога...

Его прервал визг сирены. Все заволновались, некоторые повскакивали с мест.

— Хорошо, что я живу далеко от школы, — облегчённо выдохнул Реле.

Все высыпали на площадку перед школой, встав ровно по шеренге под командирским началом преподав. Вообще дисциплина в этой школе была на уровне: учителя имели спокойный, почти умиротворённый вид, словно не перед нами разыгрывалась драма, сравнимая с концом света для этого пригородного мирка. Или, может, учителей заменили роботами? Робототехника обростала

новинками не по дням, а по часам.

Все перешёптывались и находились в диком возбуждении, но никто не плакал, не стонал и не причитал — ровный тон преподав возымел эффект. Я смотрел на лоснящееся полотно огня с интересом, дух мой был слегка приподнят над происходящим, и я ощущал себя как-то спокойнее оттого, что все нервно трепещут, как крохотные птенцы. Обычно так себя чувствовал я, появляясь в новой школе, полной самоуверенных незнакомых лиц. А теперь все эти лица корчились и конфузливо морщились от неумения спрятать страх. Да и что мне за дело было до частных домишек, если мой дом стоял далековато от школы, как и у Реле?

В моей прошлой школе абсолютно всё было не так. Там ученики носили свободную форму, а тут развелось какое-то старообрядческое мракобесие строгих костюмов. Теперь мне приходилось надевать старую рубашку и потёртые брюки отца, ушитые бабушкой. Вот с туфлями вышла загвоздка, поскольку их у меня не было, и найти их было всё равно, что обнаружить доисторические окаменелости. В центре города подобные старомодные вещи не продавали, только здесь, в пригороде, да и то в разгар предшкольного сезона и по неприлично задранной цене. Мне разрешили первое полугодие проходить в обуви, которой я располагаю, — в истёртых кедах без подсветки и

датчиков скорости, тоже отцовских, которые были пискom моды лет сто назад. По обуви, собственно, и можно было отличить «новеньких» от «стареньких».

Ко всему прочему, повадки «стареньких» отличались вышколенной дисциплиной: стоило классухам встать около подопечных, как ропот стих, на пришкольной площадке замерла идеальная тишина. Даже от пожара не исходило ни звука, хотя пламя таких размеров должно было трещать, как базарная бабка, а проваливающиеся крыши горящих домов — громыхать, как вагоны поездов, и местные жители — визжать наперез пожарной сирене.

Ровные ряды деревьев вместе с ажурным забором особенно отчётливо вырисовывались на фоне пожарища, их точно-зернистые силуэты колебались в мреющем воздухе.

Тут засмеялась одна старшеклассница. Я разглядел её со спины и заметно поразился бархатному смеху, нёсшему какое-то триумфальное возмездие.

Что-то во мне отозвалось на этот смех, как на умилительный аккорд, задевающий заветные струны души, и я сам рассмеялся до колик. Я тоже мстил, хотя и не могу сказать кому. Оправдываюсь тем, что разыгрываемая сцена выглядела комично и дешёво: перед нами творится ЧП, а все молча стоят, вымуштрованные «высоким» воспитанием, как будто заблаговременно хоронят близких. Никакой свободы чувств!

Тогда, в этот момент, в этом месте я ощутил себя одиноким, как никогда, и тут мне на выручку пришёл человек, по всей вероятности, испытывавший нечто схожее.

Я как будто увидел спасительный свет маяка, знаменовавший человеческую близость. И чтобы дать знак, что я, такой же живой человек, рядом, засмеялся в ответ.

Девчонка обернулась и зыркнула на меня испытующим прищуренным взглядом. «Киргизка», — тут же определил я. Она тоже была «новенькой» — носила кеды, светящиеся кислотно-зелёным цветом, и непозволительные гетры до колен.

Вот только наше поведение подтолкнуло остальных порвать молчание и излить душу.

— У меня бабушка там живёт! — какой-то мальчуган кинулся к деревьям, какой-то препод бросился за ним, какая-то часть учащихся заверещала, какие-то чёрные птицы издали крик, похожий на свист топора палача.

С центральной лестницы школы раздался голос директора в устаревший мегафон. Как раз вовремя.

— Дорогие учащиеся! — дружелюбно начал директор. — Прошу вас сохранять спокойствие и оставаться на месте. Сейчас мы все вернёмся в школу, поскольку, как видите, нам опасность не угрожает, и мы можем спокойно продолжить занятия.

Я проследил за взглядом директора. Его маленькие глазки, едва заметные на круглом лице,

выловили мальчугана, добежавшего до самых ворот. Директор снова заговорил:

— Прошу не разводить панику, мы же с вами цивилизованные люди! Перед нами разыгрывается необычайное зрелище, которым не каждый может насладиться на своём веку.

Истинный лидер цивилизованного сообщества. Его сладкий тон и свойскость обращения действовали, точно песнь матери на кричащее дитя: все несколько успокоились. А следующие его слова наконец разрешили загадку:

— Неужели вы не понимаете, что это иллюзия? Принюхайтесь. Разве вы чувствуете запах гари? Нет, потому что ничего не горит. Разве вы слышите сирену и видите пожарных? Нет, потому что если бы что-то горело, они бы уже давно были здесь. Разве ваши родители уже звонят вам, чтобы узнать, всё ли с вами в порядке? Нет, потому что опасности нет. Перед вами разыгрывается настоящий хрономираж, необычайное явление, которое, наверное, видят не все жители нашего района. Чтобы понять суть этого явления, мы все сейчас вернёмся в школу и стройно, без паники, как цивилизованные люди, пройдем в столовую, где поговорим о хрономиражах. Будем стойкими перед лицом страха и не обманемся оптической игрой, которая может одурачить только невежественные умы!

Я не поверил в эту прибаутку, пока пожар не рассеялся. Как

будто кто-то выключил проектор, и наложенная картинка пропала по щелчку пальцев. «По щелчку пальцев директора», — неприятно подумал я, решив, что это была учебная тревога, а нас всех одурачили, чтобы проверить, как мы поведём себя в опасной ситуации. От пожара остался скучный фон из однотипных домишек, и мне отчего-то взгрустнулось...

Столовую оперативно превратили в актёрский зал, сдвинув столы, и разместили всех на лавочках. Показали фильм о хрономиражах. Для себя я определил, что это временные дыры в пространстве, возникающие там, где четвёртое измерение особенно близко соприкасается с нашим и между измерениями стирается грань, так же, как штаны стираются до дыры. Больше меня волновало другое. По дороге в столовую я познакомился с той девчужкой-посмеяшкой.

Все столпились у дверей в актёрский зал. Девчонка заприметила меня первой, и мне не пришлось подбирать подходящие для знакомства слова.

— Ты засмеялся, чтобы подцепить меня?

— А может, потому что мне стало смешно? — отпарировал я. — А ты такая самовлюблённая, что думаешь, будто все смеются только, чтобы тебя подцепить?

— Самовлюблённая, но не настолько. Просто все всегда хотят общаться со старшиками.

— А может, старшики просто

любят привлекать внимание? — передразнил я.

— Ну и как тебя зовут, не привлекающий внимания?

Я назвал своё имя — Индрик — с неохотой, потому что оно мне до боли не нравилось и как будто не шло моей натуре. К тому же оно было совершенно непримечательное, устаревшее и пресное по сравнению с теми пёстрыми именами, которые дают детям в наши дни: мальчиков чаще всего нарекают именем Парабеллум, а девочек — Гильза.

Старшеклассницу звали Гамаюн. Я вспомнил, что однажды на уроках уже встречал это имя, и решил, что её родители либо увлекались историей, либо отдали дань уважения какому-нибудь историческому лицу, в любом случае проявили фантазию, в отличие от моих родных.

И всё же у меня наконец-то появился знакомый (даже знакомая!) в этом чужом месте. Я чувствовал себя покорителем мира, который совершил нечто из ряда вон, требующее огромной силы и сноровки.

— Почему ты смеялась-то?

— Тайна, — она кокетливо улыбнулась.

— Ой, ну прямо сама загадочность.

— У тебя твоя тайна, у меня своя. Тебе понравился хрономираж?

— Ага, красивый. Как и все игры природы, которые можно научно объяснить. Пока остальные

орут, настоящие учёные и большие умы смеются, потому что знают: наука всё объясняет.

— Наука всему голова? — с недоверием спросила Гамаюн. — Ну и как ты объяснишь хрономираж?

— Насколько я знаю, здесь, в пригороде, ионизирующее излучение сильнее из-за химического следа, который оставляют АЭСки поблизости. Фотоны здесь ведут себя странно и шально, как пьяные, и творят невесть что со светом, поэтому возникают аномальные всплески. Как-то так. — Я не без самодовольства пожал плечами.

— Какие типичные разъяснения, и никакого следа для тайны. А может, всё намного проще? Может, это Бог подаёт знаки и намекает на что-то? У меня так мама иногда говорит — экивоками, когда хочет мне сказать что-то, что мне не понравится.

— Ты же несерьёзно?! Кто сейчас верит в Бога? Только дураки!

— Бог и не просит верить в него, он просто намекает, а ты по намёкам его находишь. Твоё объяснение, может, и правильное, да кто сказал, что эти игры природы не задуманы кем-то заранее? Законы в учебнике тоже записаны кем-то.

Она резко мотнула головой и прошла дальше. Я громко, во всеуслышание расхохотался, но

вышло натужно и жалко, совсем не как в первый раз. Я быстро пожалел о своих словах. Только обрёл друга и тут же умудрился отвернуть его от себя.

В первую секунду я не придал значения словам Гамаюн, но чуть позже надумал такого, что не мог нормально уснуть. Посреди ночи не выдержал, поднялся с кровати. Датчик движения мгновенно сработал, и свет озарил комнату. Я судорожно включил компьютерный сенсор и начал сочинение: «Почему Бог переселился в пригород, на окраину Ойкумены?..» И уже через два часа, даже не вычитав текст на ошибки, отослал учителю. Лишь после этого смог заснуть крепко и сладко, как и подобает человеку с чистой совестью.

На следующий день выставили оценки. Я получил «удовлет». Учительница указала, что нужно было своими словами и своими мыслями дойти до истины — почему Бога нет, а не доказывать обратное. Я безразлично махнул рукой и на том же уроке конфессионального единства погрузился в приятные, близкие сердцу мечты.

Незаметно для себя себя размечтался до того, что решил, будто тот хрономираж отразил близкое будущее пригорода, и представил, как всё здесь горит под громогласный хохот Его, потерянно-го и брошенного где-то в школе.